

Излучение от отработанного ядерного топлива может быть заблокировано толстым металлическим экраном. Эта защита не идеальная, но риск подвергнуться радиационному облучению значительно снижается. Вот почему военные преследовали слабый, безоружный полк Аве Мария на Ванаргандах с их композитной броней, состоящей из слоев керамики и тяжелых металлов. Этот краеугольный камень наземных войск Союза, созданный по образу бронетанкового оружия предполагаемого врага, имел 120-мм гладкоствольную пушку, 12.7-мм тяжелый пулемет, весил он пятьдесят тонн и мог передвигаться со скоростью до ста километров в час.

Стая таких металлических волков мчалась через густой туман, характерный для поздней осени на втором северном фронте, быстро и беспощадно зачищая покинутую деревню.

Огонь из двух пулеметов косил убегающих солдат, во все стороны разлетались брызги крови. В пытавшихся спрятаться за разрушенными каменными стенами летели танковые снаряды, превращавшие людей в кашу из каменной крошки и плоти. Кто-то хотел скрыться в тенях, но их разорвала на ошметки шрапнель от многоцелевых снарядов, взорванных в воздухе. Другие запаниковали и с голыми руками полезли на Ванаргандов, но были равнодушно сшиблены металлическими ногами.

У солдат полка Аве Мария имелись 7.62-мм штурмовые винтовки, которые в Союзе, где основным войском была бронированная пехота, считались оружием самообороны для транспортных подразделений или военных инженеров. Даже слабейшие республиканские Джаггернауты, самое жалкое бронетанковое вооружение, могли защитить от попадания 7.62-мм пуль, и естественно, что на крепкой броне Ванарганда они оставят лишь царапины.

И вот полк Аве Мария не только не справился с возмездием, он еще и сопротивляться не мог. Его членов изничтожали — быстро и безжалостно.

□

Поля сражений всегда окутывал туман. Насколько бы сбор данных не был тщательным, основательным и дотошным, избавиться от всех неопределенностей нельзя. Неясность таилась везде: в армии врага, политике, климате и местности, и даже в действиях отдельных солдат, например вступивших в полк Аве Мария. Любая операция может пойти не по плану, когда на нее одновременно влияет столько факторов.

Именно поэтому для подполковника Миалона этот бой казался странным и страшным.

— На что же вы надеялись-то, идиоты?

Чтобы удостовериться, что ни один солдат не убежит с «ядерным оружием», она основательно оцепила периметр. Они соблюдали радиомолчание и укрывались на местности, не давая знать о себе или об окружении.

Кроме того, первым делом нагрянули на склад, где хранилось «ядерное оружие», чтобы ренегаты от отчаяния не решили его подорвать. Все сведения о них были изучены вдоль и поперек, разведчики тщательно, но быстро проверили местоположение цели и местность.

Подход, окружение, разведка и бой — все шло согласно плану, но именно это и было необычным.

Словно противник ничего не задумывал, ничего не готовил и даже не хотел сопротивляться. Когда их лишили последнего луча надежды, «ядерного оружия», то разбежались от страха.

Да, они ведь только и делали, что убегали...

С самого начала — как глупые, трусливые петухи и куры. Они не проявляли верность своей стране. Думали, возможно, что все делают во благо родного города или товарищей, но это не так. И уж точно в их поступках не было ни праведного гнева, ни искренности, ни стремления к справедливости.

Их попросту подстегивал страх. Они не могли смириться с ситуацией, поэтому побежали куда глаза глядят. Вот бредовая, идиотская правда за этим беспорядком. Они испугались настолько, что поставили под угрозу передовую, своих же товарищей и, можно сказать, всю страну — и все из-за незатейливого, некрасивого побега от реальности.

Они даже не попытались оглянуться и посмотреть на себя — жалких баранов, не способных сдержать хоть одну эмоцию. И с такой глупостью, немощью и ленью...

— Как вы вообще хотели спасти всех, когда не можете даже дисциплинировать себя? На что рассчитывали, безмозглые?

□

— Принцесса, спаси меня! Спаси!

— Принцесса, я не хочу умирать!

— Защити нас, принцесса! Принцесса!

Когда в ушах загремели вопли умирающих солдат, Ноэль зарыдала и закричала в надежде заглушить их.

— Это не моя вина, это не моя вина! Их, не моя, а их...

Никто не раздумывал, они просто цеплялись за меня, просили спасти, вот я и старалась изо всех сил, я... Я так старалась, лезла из кожи вон, мне пришлось пойти на это. Но я правда... правда не хотела!

Ее взгляд устремился на Рилé, убегаящей от Ванарганда. Та увидела Ноэль и вытянула руку в ее сторону с выражением отчаяния на лице.

— Прин...

Но Рилé не успела договорить, Ванарганд растоптал ее. Ноэль не должна слышать голос девушки, не должна видеть ее лица. И все же она слышала проклятья, видела упрек.

Ты велела нам так поступить, принцесса. Ты приказала нам. Ты так решила и втянула нас в свой бедлам.

— Нет!..

Нам нужно было исправить ошибки. Я пыталась защитить остальных, пыталась спасти их. Здесь не может быть моей вины. Я ни в чем не виновата!

— Это вы сделали все не так, как нужно! Здесь нет моей вины!

То, что у нас не получилось сделать ядерное оружие; то, что все умерли... Я не ошибалась. Я была права! Для меня должно было существовать идеальное решение! Мир не может быть таким жестоким... Я не виновата, что не нашла этого решения. Я не виновата, что у нас не получилось!

— Ты права.

Кто-то взял ее за руку. Она оглянулась и обнаружила улыбающуюся Нинху.

— Ты права, твоей вины здесь нет. Теперь все образумится. Я защищу всех.

У Ноэль перехватило дыхание. В этот миг она позабыла о печали, страхе и слезах.

Нинха не просила спасти, помочь или защитить.

Она сказала: «Я защищу»... Она защитит Ноэль?

— Тебе больше не надо ни о чем думать. Не надо принимать решения. Я уберегу тебя от всего этого. Ведь только я одна понимаю тебя, верно? Быть принцессой — это такой тяжкий груз на

плечах. Но теперь тебе будет хорошо.

Я...

Глубоко внутри Ноэль знала, какой это тяжкий груз. Быть дочерью местного рыцаря, нести ответственность имперской знати. Ее вынудили нести это бремя. Если бы она только могла отказаться от титула принцессы, от всех тех обязанностей, которые на нее свалили... Как же это было бы замечательно...

А затем двух девушек изрешетил пулеметный огонь Ванарганда.

□

Большую часть ядерного оружия, находившегося на складе, изъяли в начале битвы. У Киахи осталось последнее ведро. Он сдерживал тошноту и боролся со слабостью в руках и ногах, пока нетвердой походкой шел по остаткам резни.

Ведро, ядерное оружие, казалось до странного тяжелым, и, хотя сам Киахи не был ранен, он чувствовал ужасную слабость. Но горящая внутри него злость давала силы волочить ноги дальше.

Они не найдут гребаного левиафана. И все друзья — мертвы.

А виноват во всем этом Союз. Виновата знать.

□

Виновата принцесса.

□

Киахи стиснул зубы. Принцесса была не права, вот в чем причина. Принцесса одурачила их.

— Я с самого начала понимал, что что-то не так.

Союз, знать, принцесса. Они все ввали нам... Ввали мне.

— Я отомщу.

Точно жалкая крыса, он полз и прятался, не попадаясь на глаза Ванаргандам. Хотел уйти

подальше от этих больших машин. Сообразив, что за ним не пойдут в тесное пространство, он укрылся в небольшом каменном здании.

Конечно, от ядерного оружия в помещении, окруженном каменными стенами, толку нет, ведь радиоактивные вещества не разлетятся, но Киахи этого не понимал. Он просто верил, что бомба была последней козырной картой, поэтому хотел взорвать выдавшее виды ведро и убрать с доски фигуры, не дав врагу победить.

Киахи даже не вспомнил, что последний взрыв бомбы в тех же условиях смог уничтожить только одну машину.

Он был намерен взорвать ведро и снести здесь все.

Это месть. Не получится у меня не может, ведь это месть, а значит моя злость оправдана.

Он сорвал изоленту, крепящую крышку к ведру, и заложил пластид над несметным числом страшных металлических гранул. Установил запал и поднялся на ноги, потянув детонационный шнур. Его затошнило, только в этот раз он не сдержался и блеванул.

А ребят ведь тоже начинало мутить...

После вскрытия топливных стержней и после неудачной детонации ядерной бомбы. Его друзья ослабевали, внешне менялись и умирали.

Это какое-то проклятье.

В них не стреляли, они не горели в огне, однако их тела опухали, волосы выпадали, кожа начинала отслаиваться. Выплывали собственные органы, а потом умирали. Все, кто был рядом с ядерным топливом, умирали после того, как касались его.

Это, наверное, проклятье такое. На вид в топливе не было ничего ненормального. Никаких звуков оно не издавало, и не пахло чем-то странным. Но любой, кто трогал его, умирал. Так что да, это должно быть проклятье. Этой штуки касаться было нельзя.

А принцесса-то знала обо всем и молчала. Знала Империя, когда построила электростанцию в их городе.

Ну тогда я распылю вещество.

Он вытер рот и выпрямился. И только теперь понял, что пришел в часовню. Через витраж за алтарем сквозь туман проникало утреннее солнце, бледное свечение походило на свет небес. Изображалась на витраже стройная женщина, снисходительно улыбавшаяся ему сверху вниз.

Ее красивое облачение светилось прозрачно-синим.

Жена градоначальника, Мария Лазурия. Человек, внедривший ядерную энергию в их город.

Поделом вам всем. А вы просто наблюдайте за мной, распрекрасная святая мать в синем платье.

Киахи обернулся...

...и осознал, что смотрит прямо в дуло тяжелой штурмовой винтовки в руках человека, с ног до головы облаченного в броню цвета стальной синевы.

— Ха...

□

Откуда-то раздался громкий, резкий выстрел.

Его удалось расслышать, потому что более-менее стихли оглушительный рев пушек Ванаргандов и пронзительный скрежет силовых установок. Милха полз сквозь зловещую тишину в тусклом утреннем тумане. Одну ногу ему оторвало, и встать он не мог. Правая рука царапала землю, но разорванная ладонь отнюдь не помогала.

С его левой рукой все в порядке, однако тело Йоно было тяжелым, и оно постоянно выскальзывало из-за крови. Приходилось поправлять хват, что его изрядно раздражало.

Она бесила, была слабой и трусливой, но он всегда видел в ней младшую сестру. Значит надо защищать, хоть это и сложно, тем более ее слабость и трусливость вызывали в нем желание спасти девушку от мира.

И почему она изменила себе и перестала плакать и съеживаться?

Перед измазанным лицом Милхи плеснуло грязью.

Подняв голову, он увидел тень вонзившейся в землю металлической лапы паука. Механическое чудище Союза... Имперской знати. Ванарганд. С ним осуждающим тоном через внешний динамик машины холодно заговорила женщина, в ее голосе слышались те же нотки северной провинции, что и у Ноэль.

— Ты последний из группы куриноголовых клеветелей. Скажи-ка, вон та изодранная тряпка — твой друг? Твой друг мертв потому, что вы, никчемши, не знали своего места и делали то, что

делать вам было нельзя.

Милха почувствовал закипающий гнев. «Издранная тряпка». Она имела в виду Йоно.

Да... я знаю.

Она уже какое-то время не плакала и не жалась. Он поднимал ее несколько раз, но она не двигалась на своих двоих. Что логично...

...ведь у нее не было головы.

А если нет головы, нет ни рта, ни глаз, поэтому она не могла пролить слез или заплакать. А что случилось с ней, из-за чего Йоно стала такой...

Из-за вас. Вас, офицеров. Старших. Союза.

□

— Это из-за того, что вы сказали нам думать за самих себя!

□

А потом не простили за то, что у нас не получилось.

— Я... Мы никогда этого не хотели, да всем плевать, все равно навязали! Мы пытались думать и действовать по-своему, а теперь нам говорят знать свое место и ничего не делать?! А че сразу тогда не сказали, что мы никчемные, и что надо не рыпаться?!

Милха хоть и спрашивал, но ответ знал. Говорить курицам знать свое место, называть их никчемными — этого в Союзе быть не могло, эти слова запрещалось произносить в стране свободы и равенства.

Нет... Не так.

— Да вы просто не хотели говорить...

В стране свободы и равенства так поступать было несправедливо. А они не хотели становиться несправедливыми. Глубоко внутри знали, что никакой праведности в них не было, но главное, чтобы остальные были о них другого мнения.

— Вы не сказали нам, потому что не хотите быть злодеями! Это подло!

□

— Ты прав...

Подполковник Миалона в то же мгновение выстрелила. Пулеметный огонь разодрал в клочья последнего ренегата. Она говорила тихо, смотря на кровь с места стрелка. Так как силовая установка была громкой, оператор Ванарганда, хоть он и сидит рядом, не услышит ее, если только не переключится на внутреннюю радиосвязь.

— Ты прав. Справедливая страна — подлая.

Когда говорят думать за себя, это не значит, что от тебя требуют только думать. Когда говорят что-то делать, это не значит, что тебя не будут винить за сделанное. Кто не может провести различия, для того в самом деле это может показаться подлым.

Для Ноэль Рохи, которая не знала, что избежать последствий за свои поступки не выйдет, и попросту удирала со слезами на глазах. Для Нинхи Лекаф, которая сдалась слишком поздно и даже бросилась под линию огня. Для того солдата, который до самого конца ничему не учился, ни о чем не думал и пытался взорвать грязную бомбу в закрытом помещении.

Для них свобода и равенство были непостижимыми. А Союз, сбросивший эти ценности на этих людей во имя справедливости...

— Вот что бывает, когда навязываешь права тем, кто не хочет и не стремится учиться, кто не думает и не строит планы, когда такая возможность есть; когда даешь свободу овцам, которые даже не пытаются принимать решения. Кто-то желает оставаться овечкой, кому не надо думать, не надо выбирать, кто просто следует за своим лидером. Вот что бывает, когда таким навязываешь свободу и равенство.

Они не учли трудности, которые приходят вместе со свободой и равенством, или безответственно поверили, будто ничего сложного нет, ведь у самих-то все получилось...

И правда, для тех, у кого есть качества правителя — есть способности быть господином самого себя, — свобода и равенство были замечательными ценностями. Они, свободные распоряжаться собственной жизнью, не будут подчиняться приказам, не будут ни к чему принуждены... и благодаря равенству не будут нести ответственность за жизни остальных.

Имея силу правителя, они, однако, не станут с ее помощью защищать овец, слишком слабых, чтобы нести это бремя на своих плечах.

Они ввали, говоря, что при свободе и равенстве демократии каждый гражданин будет сам себе

королем. А те, кто не может стать хозяевами своей судьбы, все равно будут отвечать за себя. Свободу примут добровольно, и все же согражданам не дадут желаемого мира.

И по мнению подполковника Миалона, это было безответственно.

Так считала она — бывшая имперская знать Империи Гиаде, принимавшая решения за ее людей и, естественно, взявшая обязанности и проблемы, которые приходили с правами господства. Та, кто контролировал судьбы и жизни людей.

Это была надменность тех, кто наслаждался своей силой, но вместе с тем закрывал глаза на слабость овец.

— Для желающих не отделяться от стада эти свобода и равенство... не что иное, как жестокость.

Внешний динамик и внутренняя радиосвязь были выключены, поэтому скорбь принцессы градоначальника, вынужденной забить любимых овец, осталась неслышанной.

□

— Быть принцессой — это такой тяжкий груз на плечах. Но теперь тебе будет хорошо.

Он не услышал ответа Ноэль на слова Нинхи. Громкий, страшный выстрел пронзили Ноэль, Нинху и даже радиопередатчик основного подразделения.

— А?..

Из рации перестали доноситься помехи, из-за чего Меле остановился.

Когда сражение ударной группы наконец-то подошло к концу, он вспомнил о своей обязанности. Хотел уже отчитаться принцессе по поводу левиафана.

Но его встретили звуки убийства друзей и принцессы.

— Нет... Нет!

Он пробовал восстановить связь, но ответа не было. Киахи, Милха, Рилé и Йоно — никто не отвечал.

— Их перебили?.. — озадаченно спросил Отто. — Убили всех... всех, кроме нас?..

Меле упал на колени от шока. Киахи. Милха. Рилé. Йоно. Столько товарищей... и принцесса.

В нем скопились гнев и горечь: к врагам, убившим принцессу; к левиафану, не спасшему ее; и к самому себе.

Правда в том, что он знал о ее чувствах. Но она была принцессой, человеком из другого класса. Бывший крепостной, простолюдин вроде него, кто ничего не добился, не достоин изумительной принцессы, вот он и притворялся, что не замечает.

Раз именно такой должен быть конец, возможно, ему стоило все-таки ответить на ее чувства. Возможно, прошлой ночью, в последнюю их встречу, он должен был поцеловать ее.

Солнце раздражающе просвечивало через деревья. С дамбы спустился белый Регинлейв, свет отражался от его брони. Алый оптический сенсор повернулся в его сторону. И отвернулся. Этот некто не догадывался, что в лесу скорбели Меле и Отто, последние выжившие из полка Аве Мария.

Меле не знал, что система оптического сенсора настроена на слежение за взглядом процессора внутри кабины. Он посчитал это за равнодушие пилота. Предположил, что раз сам видит фердрес, значит и пилот его заметил, но решил равнодушно отвернуться.

Тогда-то каждый волосок на теле Меле встал дыбом от унижения и ярости.

Мне так тяжело. Принцесса, которую я любил, мертва. Почему вы не жалеете меня? Почему не горюете? Почему не злитесь? Почему никогда не понимали нашу боль, нашу печаль, нашу агонию?

Мы... Вы... Вы же...

□

— Вы же так сильны, и все равно...

□

Вы сильны, в отличие от нас. Вы на все способны, вы можете решать что угодно, можете поступать как угодно. Так почему не защитили нас, не помогли, не направили? Почему не спасли принцессу?

Вы сильны. Раз вам все это по плечу, значит обязаны.

Выбирать и думать — это очень сложно, непонятно и страшно. Мы не можем с этим справиться, значит вы должны защищать нас, направлять и спасать. Нас, принцессу, всех.

Но вы все равно бросили принцессу... Вы, никчемные, ленивые, заносчивые, жестокие...

— Вы бросили ее... Это вы во всем виноваты!

□

Из опавшей красной листвы выскочила фигура, воющая, точно раненное животное. Крена первой заметила ее.

Самоходная мина?! Постой, нет!

Когда она сосредоточила взгляд, появилось голографическое окно с увеличенным изображением фигуры в форме Союза цвета черного металла. У нее, в отличие от самоходной мины, было лицо юноши, к тому же способность Шина улавливала только крики Легиона вдалеке. Вышло, что он — не самоходная мина.

Человек, солдат Союза. Взгляд Крены, знакомый с полем боя, мгновенно распознал в нем союзного солдата. Но тогда откуда столько враждебности? Столько... жажды крови? Почему он с этой враждебностью и жадой крови подбирается к молодому левиафану, всячески избегающему нападения?

А еще он держал автомат, его палец лежал на спусковом крючке...

— А-Аве Мария!.. Шин! — крикнула Крена, чувствуя, как каждый волосок на ее теле вставал дыбом. Она была слишком далеко. С того места просто не успеет. — Там выживший! Он хочет выстрелить по молодому левиафану!

□

Когда Меле с ревом выскочил, Отто и его друзья последовали примеру, подстегнутые криком и злостью.

Точно. Это они во всем виноваты. Мы должны отомстить за наших друзей. Все из-за них. Если хотя бы убьем левиафана, если просто убьем его, другой левиафан уничтожит остальных. Ужасный Легион, Союз, офицеров, знать и тех, кто бросил наших друзей.

Левиафан уничтожит всех, кого мы ненавидим, и кто сделал нам зло.

Пусть сгинут все!

— Это вы во всем виноваты!

Кто сейчас прокричал? Меле? Отто? Кто-то из товарищей, может? Они уже не знали, кто есть кто. Всех залил один оттенок негодования, разжигающий общий гнев.

— Вина лежит на всех вас! Вы — причина всех бед!

— Мы бы не справились, значит нашей вины здесь нет! Бездельники, никчемные, высокомерные козлы, вы бросили нас! Вытирали о нас ноги снова, снова и снова!

— Было больно, было мучительно, но вы не останавливались! Было неприятно, было скверно, а вы не понимали и ни разу даже не пытались понять! Это все ваша вина!

— Вы ни разу не попытались защитить нас, ни разу!

Они кричали. Они бежали. Они выли и орали, давая знать о своем негодовании. Все вместе.

Они ликовали от того, что думали об одном и том же, чувствовали одно и то же, выкрикивали одни и те же слова, бежали в том же направлении. Радовались тому, что разделяют одинаковые эмоции, решения и поступки; тому, что стали единым созданием.

Этот покой от общности. Ох, какой же он был приятный. Ох, как же он убаюкивал.

Меле и выживших из полка Аве Мария, ставших одним целым, опьянило это блаженство.

Независимость, справедливость, свободная воля, индивидуальность — ничего из этого не могло сравниться с эйфорией от ощущения единства.

А-а-а-а... Вот таким я всегда хотел быть. Вот таким я всегда хотел стать. Хотел попасть в это чудесное царство — в обширную, огромную и безграничную толпу.

И символ их величия, воплощение их величины, сила, что уничтожит все вокруг, находится прямо напротив них. Ему нужно лишь наставить на него оружие.

В прицел попала красивая, эфемерная, стеклянная русалка. И они сломают ее — это изумительное, редкое и неоценимое существо. Сломают люди вроде них, слабые, глупые и неумелые.

Всей нашей силой, все вместе. Как прекрасно.

Вы это заслужили.

Но затем...

□

Фисара как раз вынудила Могильщика спуститься с дамбы. Регинлейв благодаря тормозам снизил боевую скорость до нуля. К счастью, получилось встать между полком Аве Мария и Леукой.

Сверху беззвучно падали малиновые, красные и цвета киноvari листья. Над лесом поднялось утреннее солнце, через листву струился мягкий свет. Шин повернулся к последним ренегатам.

Огонь из автомата не прошьет броню Регинлейва, а если у них и есть взрывчатка, то лишь столько, сколько человек может спрятать у себя. Если ее не установят прямо на фердрес, ущерба никакого не будет.

Но они не останавливались. Если подберутся ближе, Шину придется выстрелить по ним.

Регинлейв не оснащался несмертельным вооружением. 88-мм гладкоствольная пушка пробивала танковую броню, а высокочастотные лезвия, противотанковые копры и 12.7-мм тяжелые пулеметы эффективны только против легкобронированных целей, но против людей они были слишком мощными.

Кроме того, вес агрегата в десять тонн сам по себе был смертоносным оружием в схватке с человеком. Убьет даже анкер, который вовсе не оружие, или простой удар ногой.

Если они не остановятся, Шин должен будет убить их.

Он положил палец на курок. Система включила лазерное наведение, танковая башня автоматически шевельнулась. От невидимого тепла лазера и дула внушительной пушки солдаты оторопели. Шин молил, чтобы это заставило их остановиться. К сожалению, весь их страх, как ни странно, тут же превратился в гнев.

Лица разных людей, и все же они почему-то казались ему одним. Почему-то он не мог отличить одного от другого. Шин вздрогнул. Он испугался до глубины души, только не понимал почему.

В то же время осознал, угроза не остановит их. Стрелять придется.

Шин ожесточился, заставил пошевелиться одеревенелые пальцы.

Он должен нажать на курок... И тут...

□

...за секунду до того, как он выстрелил, вылезли бронированная пехота и разведчики, которые без промедления открыли огонь.

□

Бронированный пехотинец мог справиться с 12.7-мм пулеметом, который должны перевозить на транспорте или воздушном судне, благодаря поддержке усиленного экзоскелета. С такой огневой мощностью обычный пехотинец не справился бы.

Полностью автоматический шквал огня из крупнокалиберных пулеметов вместе с прицельными выстрелами из 7.62-мм штурмовых винтовок изрешетили солдат с фланга. Юноша и те солдаты, что бежали за ним, пропали с оптического экрана. В то же мгновение исчезли лица, искаженные адской яростью. В глаза Шина врезались только их взгляды, полные ненависти, ничего больше он не запомнил.

Он на секунду растерялся. Это произошло слишком неожиданно. Самая настоящая картина смерти — вот что видел Шин несмотря на то, что привык к внезапности и безжалостности на поле боя. Даже ненависть, столь сильная, что цеплялась за ребят до самого конца, исчезла без следа.

Пока Шин смотрел в оцепенении, заговорил Исмаил, он повесил на плечо свой автомат, от которого все еще шел пар из-за тепла, выделяемого при длительной стрельбе.

— Я же говорил, капитан. Ты не в ответе за тех, кого не смог спасти.

— Капитан Исмаил...

— И тем более за незнакомых до сегодняшнего дня идиотов, вызвавших море проблем по незнанию и глупости, и посмевавших затем спрашивать, чего это вы их не спасли. Они могут сколько угодно требовать помочь, но это не значит, что вы обязаны это делать. Вы не святые, чтобы потакать желаниям избалованных детей.

□

Заметив, как Фредерика возле открытого фонаря Гадюки вздрогнула, Вик прищурился. Она явно хотела скрыть неприятное чувство в животе. Свечение в ее глазах указывало на активированную способность, и об увиденном можно было даже не спрашивать.

— Я говорил оставить их, талисман.

Немощный символ вроде нее должен бросить тех, кого спасти не может. Лучше так, чем кичиться своими самодовольными желаниями перед теми, кто все равно умрет. И не нужно было сочувствовать или вынуждать себя смотреть на смерти таких глупцов.

Фредерика покосилась на Вика.

— Ну и что? Ты все равно мне не указ, Змей.

Она повернулась и уставилась на змеиного принца.

— Да, единственное, что я не предаю, так это свою совесть. И моя совесть — также единственное, что я могу защитить прямо сейчас. Это правда, нынешней мне больше никого не уберечь и не спасти. Но если брошу людей, то даже свою совесть не защищу. А значит...

Ее глаза цвета горящего пламени сияли алой кровью, только что пролитой.

— ...я должна не отворачиваться. Так я обязана биться на этой войне — смотреть, как люди падают, и какие беды приходят, и не поворачиваться спиной. Чтобы однажды, когда обрету силу защитить тебя и Шин'эя, я не упустила из рук чужие жизни. И у тебя нет права спорить со мной.

— «Совесть», говоришь. — Вик прищурился с небольшим намеком на недовольство. — Совестьливость будет только мешать.

Это чувство было пустым ограничением, оно обладало идеалистической красотой, но не имело силу.

— А мне все равно, — выплюнула Фредерика, ее алые глаза засияли еще ярче. — Ты как-то сказал мне. Что даже если королем тебе не стать, вести себя как член королевских кровей никто не мешает. Что вот каким ты хочешь быть. Что можешь держаться за свое благородство и без титула короля. Ну и вот, я возьму это на вооружение. Я буду действовать и вести себя не как велит мне корона, врученная другими людьми, а как хозяин своей судьбы.

Вик почувствовал неладное в ее словах. «Хозяин своей судьбы». У «восемьдесят шесть» также, с этим все в порядке. Но...

«...не как велит мне корона, врученная другими людьми»?

Секунду спустя Вик все понял. Даже змеиный принц вроде него на мгновение впал в ступор. Эта девочка перед ним. Она не обращала внимания на свое благородное происхождение...

Фредерика вполголоса сказала:

— Ясно. Ни в твоём поведении, ни в выражении лица удивление не просочилось. Я должна и это взять на вооружение.

— Ты...

— Мне казалось, тебе было неважно знать про мою ситуацию? — прервала она.

— Как бы да, но...

От укрывательства бывшей императрицы, самой обычной марионетки без собственных земель, были одни лишь проблемы и ни одной выгоды. Даже такая великая держава, как Объединенное королевство, не желала противостоять крупнейшей на континенте сверхдержаве и влезать в муторную тысячелетнюю борьбу имперской знати.

Однако...

— Сейчас мое мнение изменилось.

Родословная орлов Империи, та, что может отключить все машины Легиона — прямо сейчас член королевской семьи Объединенного королевства смотрит на возможный ключ к завершению тягот, с которыми столкнулись все государства.

Фредерика, однако, оставалась невозмутимой.

— Безусловно, самой драгоценной жемчужине Идинароков хватает ума не спешить, пока не все условия соблюдены, ведь так?

Вик посмеялся над ней. Уж это она понимает.

— Кто еще знает? Миризе... вряд ли. Ноузен в курсе?

— Да...

Вик подумывал бросить гусеницу Шину за шиворот. Тот не мог бездумно разбрасываться такими сведениями, как и делиться с остальными личными обстоятельствами другого человека. Стоило отдать должное за его честность, но... Вика это все равно бесило.

— Значит, придется продолжать сотрудничать. У меня на руках не так много карт, это правда.

Недостаточно просто заполучить Фредерику, которая может отдать приказ. Нужно еще найти местоположение командного поста, откуда возможно послать этот приказ, и захватить его. Запертый в Союзе, Вик не мог вернуться на родину, и в распоряжении у него находился всего лишь один полк, поэтому средств, чтобы помочь с поисками или захватом, у него не было. Он должен сотрудничать с Шином, ударной группой и армией Союза.

И с законным опекуном Шина, временным президентом Союза, Эрнестом.

Фредерика кивнула. Пламенные глаза дома Адель-Адлер вглядывались в глаза цвета императорского пурпура дома единорогов. Свергнутые с престола, они не откажутся от гордости правящей семьи.

— Справляйся еще лучше, чем прежде, — сказала она. — Чтобы мы смогли защитить остальных.

□

Как и говорил Измаил, когда Фисара выглянула из-за верха арочной дамбы, Леука пронзительно завопила и поплыла к каналу Кадунан. Фисара пустилась навстречу — огромное тело неумышленно разрушило поврежденный водосброс, — и вскоре два левиафана встретились в осенних красках канала Кадунан.

Шина это воссоединение особо не тронуло, после всех-то проблем, которые пришлось преодолеть, чтобы это свершилось. Остальные процессоры и бронированная пехота отреагировали также вяло, они искренне желали двум существам поскорее убраться к себе. Лишь Файд подошел ближе к берегу и несколько раз дружелюбно пикнул. Левиафаны не обратили внимания.

— Пи...

Прозвучало так, будто его это задело.

Увидев, как Файд удрученно понурил плечи (опустил заднюю часть корпуса), Шин вдруг подумал, что безразличие было оправданным. Если бы между двумя разными видами сформировалась связь за такой короткий промежуток времени, гордость племен Открытого моря Измаила была бы уязвлена, ведь они тысячу лет бились с левиафанами.

И да, Измаил недовольно посмотрел на опечаленного Файда, а Фисара, видимо, заметившая его краем глаза, все-таки обернулась. Она, насколько могла, опустила голову и уставилась прямо на него. Было до ужаса очевидно, что будь они не на суше — не на территориях человечества, — существо без задней мысли выстрелило бы тепловым лучом.

— Что?.. Помнишь меня, да, засранец?

Быть может, левиафан распознал отличительное тату племен Открытого моря. Светлые волосы, выгоревшие на солнце и море. Укоренившийся аромат моря и запах заклятого врага.

А еще улыбка на лице Измаила, свирепая и вместе с тем снисходительная.

— Ну что? Не пялься так на меня, засранец. Я же тебе задницу-то надеру, вот увидишь, сопля.

Шин не мог сказать, радовался ли он за существо или злился на него. Может, и то и то. Леука плыла на север по каналу Кадунан, оставаясь совершенно безразличной к людям. Фисара следовала за ней, не отрывая взгляда от Измаила.

Когда два левиафана вышли из канала, все командиры тут же приказали подразделениям на том участке не трогать их.

†

Эрнесту сообщили, что от дезертиров второго северного фронта избавились, и что оставшееся ядерное топливо вернули. Он с облегчением вздохнул — кризис на втором северном фронте был предотвращен.

Несмотря на это, Эрнест в глубине души кое о чем сожалел.

«Сэр, вы такие речи толкаете за защиту народных идеалов, но на самом деле вам плевать на них, не так ли?»

— Да... — прошептал он себе под нос в пустом кабинете в резиденции президента. — Мне плевать абсолютно на все. В конце концов, мне больше нечего бояться.

У него совершенно не осталось чего-нибудь поистине ценного. Не осталось всего того, что он боялся потерять, того, что побуждало его защищать. Даже идеалов, в которые верила она, но которые так и не были осуществлены, — то, каким должно быть человечество.

Но он продолжал защищать эти идеалы, потому что она верила в них. Мир добра и справедливости, где никого не придется бросать, и где спасти можно всех. И если этому идеалу суждено быть оскверненным, он от всего сердца пожелает сгинуть всему: людям, странам и целому миру.

Но и это перестало для него что-либо значить.

— Ведь ее больше нет.

†

4-я бронетанковая дивизия отошла от реки Хияно и перегруппировалась с подразделением Рито, которое защищало их путь назад. Также отходить с севера начала 3-я бронетанковая. Как только арьергард удалился на достаточное расстояние, заряды на дамбе Реканнак взорвали.

Тонкие бетонные стены арочной дамбы с грохотом рухнули, изначальное течение реки Реканнак было восстановлено. Затем, когда подтвердили отступление отрядов и подразделений, держащих контроль над территорией, взорвали соседние дамбы Нииока и Ниусэй.

Далее двадцать две дамбы вдоль канала Кадунан сносились одна за другой. И, наконец, была подорвана дамба Рогиния, перекрывающая верховье реки Рогиния, и одновременно с этим закрыли водоспуски старого канала Татасва и нового канала.

Все воды Хияно полились по высохшему руслу Рогиния, затапливая бассейн Вомисам. Впервые за более чем сто лет были восстановлены широкие топи Рогиния, которые воспрепятствуют продвижению Легиона.

†

Сопровождая молодого левиафана, Фисара вышла из устья реки в месте, которое люди называли портом Зинори, и очутилась в северном море. Враждебные металлические создания наблюдали издали, но они не нападали, поэтому их оставили в покое. Все внимание было обращено в сторону моря, к пению стаи левиафанов.

Молодая Леука погрузилась под холодную воду, втянула жидкость между длинной струящейся мембранной и бронированной чешуей, а затем выпустила ее струей и помчалась к стае. Фисара последовала за ней домой в знакомые замерзшие воды чистого северного моря.

В темно-лазурных глубинах в памяти Фисары воскресло воспоминание. Она подумала о группе слабых двуногих существ, которых видела у водоема. Когда они убивали друг друга, она едва расслышала нечто загадочное — плач особи, улавливаемый левиафаном. Что это могло быть?

†

На одной из многих тренировочных баз Союза находился старший лейтенант Генри Нот с серебряными волосами и глазами, вызвавшийся добровольцем. Он был бывшим республиканским солдатом — иначе говоря, гражданином Республики.

Его отметили за самоотверженную службу, что было весьма необычно для солдата Республики, и позволили сохранить офицерский чин. Когда Генри призвали в первый резерв, обучающиеся вместе с ним солдаты Союза держались от него на расстоянии, но это было вполне

закономерно, учитывая, как Республика обошлась с «восемьдесят шесть», поэтому он не позволял себе расстраиваться.

Люди иногда говорили за его спиной, но не опускались до издевательств, из-за чего у Генри сложилось впечатление, что армия Союза была хорошо организована и дисциплинирована.

Вот почему когда сослуживец позвал его к телефонной кабинке в общей комнате, он, сбитый с толку, просто указал на себя. Из кабинки солдатам разрешалось звонить по личным делам, но Генри ни разу этого не делал. Он очень долго прощался с отцом, когда вызвался стать солдатом, так что не видел причин говорить с ним всего лишь спустя месяц.

Но сослуживец высказался однозначно:

— Да, старший лейтенант. Старший лейтенант Генри Нот. Звонит твой брат.

— А?!

Генри тут же сорвался с места, а солдат при виде него повел себя не как обычно. Мужчине, казалось, было неловко, словно он делал что-то неправильное.

— Твой брат из «восемьдесят шесть»?

Генри дернулся и оцепенел. Его хотят обвинить в том, что он бросил свою семью? Мачеху, младшего брата. Это так, он бросил... он бросил Клода.

— Да...

— Понятно. Тебе, ну-у-у... должно быть нелегко пришлось.

Этих слов он совсем не ожидал услышать. Генри удивленно поднял взгляд на высокого солдата. Это был молодой резервист, может, на год или два старше Генри.

— Лагеря для интернированных заработали тогда, когда тебе было около семнадцати, наверное? В этом возрасте думаешь, что тебе все по плечу, когда на самом деле сделать можешь не так уж много. Тебе... должно быть тяжело было.

— ...

— Не избегай своего младшего брата из-за того, что не можешь смотреть ему прямо в глаза. Если он звонит, значит хочет поговорить. Не лишай его этого шанса.

— Спасибо...

И ведь правда, Генри уже один раз лишил его шанса, поэтому Клод и разозлился. Несмотря на это, он дает еще одну возможность поговорить. Тогда...

— Генри?..

— Клод?

Голос Клода звучал так, словно он пытался оценить отношения между ними. Но в разговоре с Генри, когда тот был Куратором его отряда, он никогда не сдерживался. Все переменилось после того, как Клод узнал, что говорит со своим братом, и это служило наглядным напоминанием о времени, проведенном порознь, и разрыве их отношений.

«Братец».

Клод, скорее всего, больше так к нему не обратится.

— Слышал, ты почти прошел обучение... Я подумал, надо бы поддержать до того, как закончишь...

— О... Спасибо.

Когда его переведут на фронт, вероятно, поговорить по телефону будет не так просто, как сейчас.

— А чем ты занимаешься? — спросил Генри, стараясь сохранять спокойствие.

Раз Клод позвонил, значит он вернулся на основную базу.

— М-м... Любуюсь луной.

— Любуешься луной?

— Фестиваль такой есть, не знаю только, откуда он. Шин... Ну, наш командующий операциями проводил что-то похожее два года назад в восемьдесят шестом секторе, решил вот снова провести. В общем, украшаешь помещение странной травой и ешь странные сладости.

Генри выглянул из окна рядом с кабинкой и посмотрел на луну. На нее же прямо сейчас смотрел Клод.

— Правда?.. Звучит весело.

□

Для созерцания луной это вроде как было важно, поэтому они походили вокруг тренировочной площадки базы и повыдергивали длинные листья. В столовой, которую украсили этими листьями, связанными в пучки, Шин синхронизировался с Леной через парарейд. Она все еще находилась в медучреждении, но тоже смотрела на луну.

Под руководством Митихи они сделали что-то похожее на лунные пирожные. Шин упомянул про клецки, и она рассказала, что надо замесить тесто и отварить. Ориенты также вспомнили про какую-то картошку, только не смогли решить, нужна обычная или сладкая, поэтому приготовили и ту, и ту.

Быть может, некоторые... если не все традиции не были соблюдены, но тут они просто импровизировали.

Два года назад, еще в восемьдесят шестом секторе, Куджо хотел устроить любование луной и упомянул про зайца. Вспомнив об этом, Райден нарезал яблоки в форме зайца, и по непонятной причине за одним из столов провели целое занятие по тому, как из яблока получить животное.

Команда снабжения пожаловалась, что отварного картофеля мало, надо еще и жаренного. Заполучив порцию обжаренного в масле, Шин воткнул вилку в один ломтик, заметил, что тот был в форме полумесяца, и поднял взгляд на луну такой же формы.

А говорили они, к сожалению, о вещах отнюдь не поэтичных — о событиях, потрясших второй северный фронт. Тема однозначно невеселая, но Лена хотела услышать детали операции. Озадаченная безрассудным подходом к созданию ядерного оружия, и нахмурившись после рассказа о необдуманных поступках полка Аве Мария, она потеряла дар речи, когда услышала про взрыв грязной бомбы. А стоило ей узнать, как ренегаты пытались вовлечь в бой левиафана, она взялась за голову, прежде чем выдавить из себя:

— Ну и ну... Тяжело же вам пришлось, судя по всему...

— Сама операция прошла не так уж плохо.

Хотя все, что косвенно касалось задачи, превратилось в полный беспорядок. Шин положил в рот последний ломтик обжаренного картофеля, проглотил его и продолжил:

— Есть и кое-что хорошее... В этой операции получилось подтвердить, что Сколопендра, помимо сбора сбитых агрегатов и осколков снарядов, может также дезактивировать территории. Воздействие от взорванной грязной бомбы должно быть минимальным.

— Это... Ну, хоть какое-то утешение.

— Ага... И я еще кое-что, м-м-м, понял.

— Да? Что же?

— Инцидент спровоцировала лидер полка Аве Мария, но когда его члены стали требовать больше, и она попыталась оправдать их ожидания, ситуация вышла из-под контроля.

Шин слышал показания Нинхи. Зачинщицей была из линии рыцарей, местных воевод одного города, и солдаты оттуда считали ее правителем и принцессой. Сама она, скорее всего, гордилась тем, что была достойной предводительницей, справедливой принцессой с большим сердцем, и пыталась вести себя соответствующе, из-за чего и оказалась в таком ужасном положении.

— Подчиненные не могут просто повиноваться приказам. Они должны поддерживать тех, кто выше. Ведь иначе лидер будет вынужден заходить все дальше и дальше, пока не сломится под давлением. И это натолкнуло меня на мысль, что мы...

Что мы, «восемьдесят шесть», служащие нашей королеве...

— ...возможно, возлагаем на тебя бремя, Лена.

□

Управляющий столовой, когда услышал про любование луной, научил Лену готовить сладкий картофель. У нее были круглые ломтики в форме полной луны, а не полумесяца, на который она сейчас смотрела. Лена ела свой десерт после ужина в компании выздоравливающих солдат, и слова Шина ее ошарашили.

И это говоришь ты, Шин? Безголовый Бог Смерти западного фронта? Ты не просто король... а кто-то вроде Бога спасения.

— Тебе не о чем волноваться. Вы не только подчиняетесь моим приказам, но также поддерживаете меня. И не только возлагаете надежды, но также верите в меня.

Королева. Титул уважения и доверия, но без поклонения и принуждения.

— Кроме того, мне не нравится, когда на меня не полагаются. И ты об этом знаешь. Хочешь, чтобы я опять расплакалась?

Она почувствовала, как Шин натянуто улыбнулся, вспоминая их перепалку в Объединенном королевстве.

— Точно, ты права...

— Вот так-то, — невольно просияла улыбкой Лена. — Не переживай, вы все служите мне опорой. Но раз зашел разговор, Шин, я бы хотела, чтобы ты капризничал из-за меня чуть больше. Как ранее, когда тебя поразила серьезный «дефицит меня».

— Ох. Тогда по рукам? — пошутил Шин.

Он, как озорной ребенок, спрашивал, на самом ли деле Лена хочет того, что предложила.

Но затем он изменил свой тон на искренний и честный, в его голосе, несмотря на серьезность, ощущался легкий жар нетерпеливости.

— Мне не хватает тебя, Лена. Я хочу поскорее с тобой увидеться. Хочу, чтобы ты была рядом со мной.

Лена хихикнула. Она уже достаточно отдохнула и разобралась с переполняющими ее чувствами пустоты и вины. Нашла выход из лабиринта беспокойств и тревоги. Освободила место в сердце, чтобы захотеть синхронизироваться со своим парнем и помечтать о будущем или составить планы на завтра.

— Да. Мне тоже тебя не хватает.

□

Когда Анжу заметила Клода, завершившего телефонный звонок, она вдруг спросила Дастина:

— Ты же часто звонишь своей маме? Уверена, она беспокоится за тебя.

— Так и есть, но...

В этом возрасте ему немного неудобно от того, что мать сильно суетится вокруг него. Тем не менее...

— Ты сказала, что мне можно немного схитрить... и это спасло нас.

Не заговори она об этом, мама Дастина — женщина, эмигрировавшая из Империи и оставшаяся без какого-либо влияния в Республике — могла не успеть эвакуироваться... могла не выжить.

— Пустяки, — улыбнулась Анжу, но затем задумчиво отвела взгляд от Дастина. — Но знаешь... ты бы и мне немного голову поморочил, что ли.

Дастин озадаченно уставился на нее, но не встретил ее глаза цвета неба.

— Дастин-кун, ты слишком правильный, поэтому не любишь хитрить. Мне бы хотелось, чтобы ты попробовал, просто говори себе, что делаешь это ради меня. Только прежде, чем перейдешь точку невозврата, пожалуйста, остановись и вернись.

Она опустила колеблющийся взгляд, вспоминая кого-то, кто уже не вернется. Кого-то дорогого, чьего возвращения она ждала, но напрасно. И Дастин не был намерен причинять ту же боль вновь.

— Если ты не возненавидишь меня...

Он не хотел становиться трусливым подлецом, но мог попытаться побыть изворотливым ради того, чтобы не огорчать ее.

— Тебя это тоже касается, Анжу. Можешь хитрить немного и говорить, что делаешь это ради меня. И ты также обязана возвращаться.

— Ой, а я та еще лиса, не знал? Заискиваю тут перед тобой, потому что ты мне разрешил.

— Заискивай дальше, это не в счет.

Она озорно засмеялась и положила голову на его плечо, а он обвил девушку рукой. Ее хихиканье, щекочущее ухо, Дастин услышал впервые за месяц, отчего невольно улыбнулся.

□

Фредерика решила. Она будет сама себе указ, будет хозяином своей судьбы. А правителю нельзя быть мрачнее тучи. Если она слишком увлечется собственными проблемами, не сможет никого спасти.

И поэтому...

— Для начала я должна приложить все усилия, чтобы убрать препятствия на своем пути, —

уверенно прошептала она.

— Припозднились мы, дамы и господа! Вот, свежее испеченный тыквенный пирог, с пылу с жару, прямо из печи!

— Угу-угу, припозднились! Я тоже хочу кусок!

Капитан команды снабжения, старший лейтенант, пришел с большим тыквенным пирогом и тут же был окружен процессорами. Фредерика радостно ворвалась к голодным мальчишкам и девочкам, чтобы урвать свой кусок.

□

На прощание подполковник Миалона дала кучу всяких книжек про ядерную энергию и оружие, ее помощник при этом натянуто улыбался.

— Здесь я бессильна.

Шиден понимала, о чем говорилось в книгах, но не видела в этом никакой красоты. Подполковник Миалона говорила распробовать всевозможные темы, однако, к сожалению, эта пришлось Шиден не по вкусу. Хотя, на ее взгляд, подполковник обрадуется любому ее увлечению.

Она занесла книги в учебный класс на базе, и это привело к тому, что кто-то прочитал часть, а один или два человека — вообще все, и они запросили больше материала, так что усилия подполковника Миалоны могли принести плоды.

— Красота, значит?

Шиден показалось, что, возможно — лишь возможно, — поняла слова подполковника. Она посмотрела на тонкие облака, заслонившие луну, — они сияли ярче тех, что плыли вокруг. Шиден потянулась к небу.

□

Вик хоть и был принцем большой страны, но с большинством личных нужд разобрался сам. Райден это знал, и все же он не ожидал от него умения снимать кожуру с яблока одной лентой или вырезать из него зайца. Он удивлялся, пока смотрел, как Вик осторожно получал форму заячьих ушей.

Что еще стало для него неожиданностью, так это многофункциональный нож в руках принца, хотя такие и были у многих солдат на передовой.

— А ты не будешь вырезать зайцев, Лерче? — спросил Рито.

— Увы, Милан-доно. Боюсь, фигурная резка по фруктам — слишком сложная задача для меня...

— Я не создавал ее быть настолько искусной. Ты же не станешь просить того Падальщика почистить тебе яблоки.

Файд, смотревший на небо снаружи, подошел к открытому окну. Митихи из любопытства протянула ему нож для фруктов, но... похоже, даже талантливый Файд, умеющий тащить Джаггернаути и убирать снег, мог не все на свете. Он несколько раз попробовал взять нож, но ронял его.

Райден понаблюдал, как Файд разочарованно понурил плечи, а Лерче сочувственно положила руку на его оптический сенсор.

— Вик, ну мы поняли, ты в этом хорош, перестань уже чистить. Никто столько не съест.

Вик удивленно перевел фиолетовые глаза на Райдена.

— Что? — спросил тот.

— Ничего. Я хоть и просил называть себя так, но... необычно слышать прозвище от тебя.

— Тут такое дело, — говорит Райден, берясь за еще одно яблоко, — я подумал, что «принц» несет в себе слишком большой груз.

Принц должен спасти всех и взять ответственность, если спасти не получилось. Когда берешь себе этот титул, нужно быть готовым нести на плечах бесконечно тяжелое бремя.

Вик вспомнил, что сказал Фредерике, и какие слова выкрикивали жители Республики и выжившие полка Аве Мария. Помогите нам. Защитите нас. Спасите нас. Они цеплялись, требовали и слепо следовали — овцы гнали сами себя и девочку-правителя, которая повела всех в пропасть.

Выходило, что повелевать — не самому себе, а массами, множеством овец, которые будут идти за тобой и подталкивать...

— Я не твой подданный... И тебе не нужно, чтобы люди вроде меня, кто не следует за тобой, использовали титул при обращении, — объяснился Райден. — Ну, я так думаю.

Пускай даже такое обращение не несло в себе ни лояльность, ни поклонение.

— Мне никогда не казалось это тяжелой ношей... — наклонил голову Вик.

Социальный статус человек получает с рождения, он становится естественной составляющей, как руки, ноги, глаза и уши. Никто не посчитает свою конечность тяжелой, также и Вик не рассматривал статус королевской семьи как бремя.

Не рассматривал, и все же...

— Но да... — довольно улыбнулся Вик. — Ты не мой подданный. И если не собираешься говорить со мной с должным уважением, обращайся ко мне по имени.

Присутствующие обменялись взглядами, и Крена кивнула первой.

— Тогда мы все будем звать тебя Виком!

— Ага, спасибо за разрешение, Вик.

— И давай на чистоту, Вик, тебе бы тоже не помешало вести себя более непринужденно в нашей компании. Как-нибудь попытайся обратиться к нам по именам.

— Придумал! В общем, Вик — слишком длинное прозвище, давай сократим до Ви?! — поднял руку увлекшийся Тору.

— Дурачье, вы правда хотите в буквальном смысле оказаться на разделочной доске?

□

— Молчи, семилетка... Это была шутка.

— Конечно, и я тоже пошутила, Ваше Высочество. Бармаглот-доно, это была шутка, пожалуйста, не пугайтесь так.

□

Когда Ятрай впервые за месяц зашел к Зелен в склеп, он поднял бровь.

— До чего же жалкое зрелище, Зелен Биркенбаум.

У Зелен, как у Легиона, имелись системы, которые запрещали выдавать информацию независимо от ее воли. Армия Союза и Ятрай прекрасно об этом знали. Еще они знали, что им

никак не выяснить, ссылается ли она на ограничения только для виду.

Вот почему Ятрай приказал сотрудникам разведслужбы выведать абсолютно все. Они спрашивали о вещах, про которые Зелен могла хотеть рассказать, и задавали вопросы, на которые Союз хотел получить ответы.

Если она уверяла, что не может ответить, то это тоже была своего рода информация. Чем Легион отказывался делиться? Какую механическую угрозу пытался скрыть? Когда складываешь все это воедино, получаешь подсказки.

Конечно, не предполагалось, что Легион будет разговаривать на человеческом языке, поэтому длительное общение оказывало на нее серьезную нагрузку. Допрос, проводимый несколько дней, сильно сказался на Зелен. Запертая в контейнере, она перестала являть.

<<Что тебе нужно?>>

Ее голос прозвучал устало.

— О, я просто пришел дать небольшую награду. Не могу вдаваться в подробности, но мы получили убедительные доказательства негибкости ваших ограничений. Проверка стоила усилий, ведь мы восстановили частичку доверия к тебе.

Происшествие на втором северном фронте позволило им сформулировать гипотезу. Легион не попытался забрать ядерное топливо. А это значило, что запрет на ядерное оружие был строгим и недвусмысленным.

Ограничение касалось и грязных бомб. Единственное допущение должно быть связано с эксплуатацией ядерного реактора, обедненным ураном и бронеплитами, в составе которых есть обедненный уран. Почти один в один повторялась та забавная история, когда слишком строгий запрет на биологическое оружие у машин сделал невозможным совместные действия с обычными солдатами.

Легион создавался как замена рядовых солдат, унтер-офицеров или младших офицеров на поле боя. А тактическое вооружение было не для заурядных военных. Таким образом, возможно, ограничение, по примеру ядерного оружия, распространялось и на баллистические ракеты.

— Еще один вопрос. Из любопытства, не более. Если не захочешь отвечать, не надо.

Он ощутил на себе взгляд, обращенный из-под бумажного мешка с нарисованным лицом, накинутым на контейнер. Ятрай заговорил, он смотрел прямо в единственную скудную камеру, которая позволяла Зелен смотреть на мир снаружи контейнера.

— У твоего «трона» был проход к озеру лавы.

В недрах горы Драконий клык в Объединенном королевстве, возле трона командной машины Легиона, называемой Безжалостной королевой, в самом деле был выход к озеру лавы. Что очень странно для места пребывания командира.

— Ты выкопала тоннель под землей, но не для отхода. Это было твоё средство покончить с собой? На случай, если Феникса не победят, и к тебе никто не придет?

На случай, если человечеству суждено будет проиграть, если ключ к отключению Легиона так и не будет получен. Ятрай, член семьи воинов, защищавших Империю тысячу лет, смотрел на бессмертного призрака из другой семьи воинов.

— Не обязательно сейчас, но если ты не сможешь больше терпеть стыд от того, что остаешься в живых, мы готовы избавиться от тебя — последнего потомка имперского дома воинов Биркенбаум.

Он проявит это скромное милосердие члену другой семьи ослабленных воинов, которая стыдится своей сохранившейся жизни.

□

Ответ Зелен был тверд.

<<Нет.>>

Ятрай выгнул бровь. Он впервые слышал в тоне Зелен человеческую интонацию. Она увидела реакцию и продолжила. Да, Зелен обдумывала смерть на тот случай, когда лишится всякой надежды. Да, смерть была должным концом для механического призрака вроде нее. Однако...

<<Нет. Я не умру. Я пока не могу выбрать смерть. Ведь они, Шин'эй Ноузен и Виктор Идинарок, еще не сдались.>>

Даже сейчас они где-то сражаются. И до тех пор, пока ее информация могла пригодиться в их операциях, могла помочь победить, она обязана наблюдать за их битвами до самого конца.

<<Мне пока нельзя умирать.>>

□

Им разрешили покинуть базу, но в гражданской одежде и в сопровождении военной полиции.

«Все же я солдат Республики...», — подумала Аннет.

Она шла по улицам Санкт-Йеддера и увидела транслируемые новости.

— Они сообщили об этом...

Прессе наконец-то раскрыли «жучков». Информация просачивалась Легиону через жучков. Союз не мог обо всем рассказать сразу после задержания людей, так как враг мог слушать их передачи. С облавы прошло уже довольно много времени, и точную дату явно не обозначили, но вранья не было.

Республика пользовалась детьми-«восемьдесят шесть», злоупотребив доверием Союза.

— Что же, многое объясняет.

Аннет чувствовала на себе тяжелые взгляды прохожих, вероятно, именно из-за новостей.

В Союзе, многонациональной стране, проживало много Альб, и сходу нельзя сказать, что она, да еще и в штатском, солдат Республики. Получается, отношение испортилось не просто к гражданам Республики, но и ко всем Альбам.

Аннет услышала оклик из толпы: «Эй, беловласка». Уничижительный термин для Альб. Военные полицейские мигом закрыли ее и остановили оскорбления.

— Извините, майор. Вы добросовестно сотрудничаете с нами, но народ злословит...

— Так только в городе, или такие взгляды получают еще и солдаты из Альб?

Тот, кто большую часть времени проводит на базе, должен знать, какое мнение складывается об Альбах на службе. Военный полицейский скривился.

— Стыдно признаваться, но все.

— Также относятся к коренным Альбам, а добровольцев из Республики считают предателями...

В новостях постоянно выступали с критикой Республики, и это только сильнее разъяряло толпу. «Вот почему мы не можем доверять беловласым, — говорили люди. — Трусливые Альба. Мы спасли их, и вот как предатели отплатили за нашу доброту».

«Вот почему бедные “восемьдесят шесть” расквитались с ними». И такие комментарии можно было услышать.

«Республиканские ублюдки так ужасно обращались с детьми, что те объединились с Легионом,

чтобы отомстить», — кто-то возмущенно сказал в толпе.

«Про ублюдков я согласна, конечно, но...», — мысленно вздохнула Аннет.

Как ни странно, ей вдруг захотелось взять еще один кофе с карамелью в бумажном стакане с милым рисунком кота.

□

— Сео, а ты тоже один из этих жучков? Они же и в тебя засунули кристалл искусственной нервной системы, да? — спросил сослуживец. Это была очень неудачная попытка пошутить.

— Сейчас его у меня нет, Союз вытащил, когда подобрал нас. Тебе шрам показать? — безразлично отозвался Сео.

— Э... Прости. Я не подумал, что они в самом деле это сделали... — извиняющимся тоном произнес сослуживец.

Ничего смешного тут не было, но и злиться не стоило. Сослуживец начал горячо извиняться, но Сео качнул головой и сказал, что все в порядке, затем вернул к уху мобильный телефон, который отвел ото рта.

Во время военной операции личные звонки не приветствовались по причинам информационной безопасности, но у Сео был перерыв, к тому же сейчас он находился на базе подразделения подготовки. Ему все еще нужно было следить за тем, о чем говорит, но звонить не запрещали.

— Дяденька?

— Ох, прости, забудь... Так как у тебя дела, Миэль? Как жизнь?

Из Санкт-Йеддера он звонил мальчику, жившему в эвакуационном пункте для беженцев Республики у западной границы, — Миэль Ренар, сирота, сын бывшего капитана Сео.

Ну конечно, Ренар — «лис*».

[П/П: Ренар переводится с французского как лис.]

Лишь теперь, годы спустя, Сео осознал, почему его личной меткой был лис. Капитана звали Сильвен, то есть его имя значило «лесной* лис». Сына зовут Миэль, «мед» — «лис медовой раскраски». Видимо, вся их семья была так или иначе связана с лисами.

[П/П: Сильвен — французская форма латинского имени Сильван, а Сильван — божество или дух лесных деревьев из римской мифологии.]

— Что-то случилось в городе, где живут все важные шишки, а в моем все в порядке. Управляющий классный, другие солдаты Союза тоже. О, кстати...

— М-м?

— Еда тут очень вкусная, — глубоко вздохнул юный Миэль. — Настоящее мясо, рыба. И яйца, и молоко, и джемы, и торты...

Сео невольно улыбнулся. Он был рад это услышать.

— Когда все уляжется, возьму тебя на рыбалку. А еще можем вместе поделать торты и джемы.

— Класс!

Сео почти видел, как мальчишка возбужденно закивал.

Но затем Миэль замялся.

— Скажи, дяденька... У вас там все нормально?

— «У вас»? Почему спрашиваешь?

— Так страшных людей все больше. Кого они там звали?.. У них еще такие длинные имена.

О чем он говорил?

— Когда Республика проиграла в той последней большой атаке, они все как один говорили... что виноваты «восемьдесят шесть». Собирались толпой и кричали, что вы сражались спустя рукава.

— А...

Речь шла об Отбеливателях. Сео не помнил полное название группы, но их слоган был «восстановим чистый белый», поэтому Шин начал называть их «отбеливателями», и остальные подхватили это.

— Они... ошиваются рядом с республиканцами, в столице их нет.

— О, серьезно?

— А что ты имел в виду, когда говорил, что страшных людей все «больше»?

Сео слышал, что после второго крупномасштабного наступления Отбеливатели лишились гражданской поддержки и резко утратили политический вес.

— Ну, если кто из важных говорил подобное, они потом куда-то пропадали, а вот простых людей, которые наговаривают про вас гадости, становится все больше. Они говорят, Республика не пала бы, сражайся «восемьдесят шесть» нормально. И что вот кто должен воевать вместо них.

Лидеров, не вернувших «восемьдесят шесть» и не спасших Республику, сместили за некомпетентность, но народ продолжил их дело: они обвиняли «восемьдесят шесть» в поражении и возлагали на них воинские обязанности. Их не возглавляли и не контролировали, из-за чего общее волнение возросло само собой.

— После того, как мы переехали в Союз, многим пришлось пойти в армию. Теперь этому не рады их семьи и те, кто не хочет воевать... Они каждый день устраивают беспорядки.

□

Жители Республики, сбежавшие в Союз, были разбросаны по нескольким городам на западной границе производственной территории Монитозото, а функции государственного управления выполнялись на зимнем курорте в Лака-Мифака.

Большой отель в центре города отвели под здание правительства, а другие отели и виллы в пригороде выделили для высокопоставленных Селен и бывших аристократов. Хотя они и были эвакуированными беженцами, но проживали в элитных отелях. Однако с арестом людей, имеющих отношение к жучкам, над районом повисло странное напряжение. Союз взял под стражу не только военнослужащих низших чинов, работавших с жучками, а еще приказывающих им высокопоставленных лиц. Как только выяснялось, что человек прикладывает руку к этому делу, появлялись военные полицейские Союза и арестовывали его, из-за чего верхушка не могла спокойно наслаждаться роскошной жизнью.

Одной из тех, кто сидел на иголках и гадал, придут ли за ним, была Примула, лидер Отбеливателей. Она не имела отношения к жучкам, но среди арестованных был ее товарищ, подполковник. Скорее всего, военная полиция наведается и к ней, чтобы допросить. Женщине выделили сравнительно небольшую виллу, поскольку она растеряла почти все влияние.

— Что...

Но сегодня Примула побледнела вовсе не из-за военной полиции. Новостные программы Союза

шли и в Лака-Мифака. Один из ее коллег увидел сюжет и сказал посмотреть — показывали фотографию сбежавшей девушки-«восемьдесят шесть».

— Актеон* выжила... и сбежала?..

[П/П: Имя персонажа древнегреческой мифологии. Есть несколько разных версий мифов, почти во всех это охотник, которого «превращают в оленя».]

□

В армии Союза многие солдаты получили лишь минимальное образование, и они мало понимали природу ядерного оружия. Весь северный и другие фронты неправильно толковали расплывчатые новости про беспорядок на втором северном фронте с 37-й бронетанковой дивизией.

Опасное ядерное оружие почти уничтожило второй северный фронт, а ударная группа предотвратила полный коллапс. Или что народ со Стран флота призвали монстра, называемого левиафаном, который защитил второй северный фронт от ядерного оружия. Или что ядерное оружие могло уничтожить Легион, но предатели хотели спрятать его. Или что Союз был намерен победить с помощью мощного сверхоружия под названием ядерная бомба, но левиафаны помешали. Или что предатели хотели объединиться с Легионом и отдать ядерное оружие, но их остановила ударная группа.

В этих историях стало не понять, что собой представляет ударная группа, но они знали, это элитное подразделение героев-«восемьдесят шесть». И солдаты продолжали приукрашивать и преувеличивать рассказы, пока от правды не осталось и следа.

□

— Если они все такие из себя герои... — потрясенно прошептал Вёв Като, бронированный пехотинец, оглядывая топи по ту сторону рубежа Рогиния.

Несмотря на отход, бои на втором северном фронте все еще проходили в пределах военных поселений. Многие солдаты и старшие офицеры раньше проживали в таких, но не конкретно в этом районе. Впрочем, они были страшно потрясены при виде того, что сотворила ударная группа.

В этом море грязи пшеницу не вырастишь. И не выпасешь овец или коров, или свиней.

Среди выходцев из военных поселений было много фермеров. Им безумно страшно было смотреть, во что вода и грязь превращают эти сельскохозяйственные земли.

Вёв стиснул зубы. Это никакое не решение. Ни успех, ни победа. Не такого будущего или

спасения он ждал!

— Какого хрена эта ударная группа творит?..

Они ведь герои. Элита. Разве они не должны были спасти Вёва и второй северный фронт?!

— А вы ничего не сделали! Герои должны спасти всех! Ну и какой толк от вас?!

□

Это случилось внезапно.

В памяти, точно мыльные пузыри, вдруг поднялись лица ребят, чуть старше его самого, погибших прямо на глазах, их разъяренные лица, крики. У Шина перехватило дыхание.

Свежее воспоминание проигрывалось вновь. Неистовый, но до ужаса проникновенный крик.

Молодых парней разрывали пули.

У них были одинаковые лица. А должны отличаться. Но когда они отбросили индивидуальность и ринулись в едином порыве, когда произносили те же слова и разделяли те же мысли и эмоции — вот тогда для Шина их лица стали одинаковыми.

Это было ужасно. Люди, которые не смогли стать хозяевами своих судеб, которые ничего не опасались. Даже настолько бессильные возлагали вину на других.

«Я не могу. Я не буду ничего решать». Вот что они скажут, но все равно попытаются обвинить кого-то еще. Все равно будут через кого-то переступить.

Они отличались от «восемьдесят шесть», ставших Пастухами. Это были люди, ничего не добившиеся даже с ненавистью. И по непонятной причине это пугало Шина.

□

Почувствовав, что Шин погрузился в мысли, Лена моргнула.

— Шин? Что-то случилось?

— А?

— Тебя что-то расстроило прямо сейчас.

— А-а... — На миг задумавшись, Шин качнул головой. — Нет, не переживай. Мне бы самому еще разобраться.

— Ну раз ты так говоришь...

«В чем же дело?», — подумала Лена, но сразу вернулась к обсуждаемой теме. Ей хотелось выяснить причину его беспокойства, можно сказать, тревожного молчания, но раз сам Шин не знал, смысла допытываться особо нет. Лена понимала, он — такой, какой есть сейчас — не станет просто отворачиваться от проблемы или пытаться держать все в себе.

— Так вот, Хэллоуин. Жаль, что в этом году меня не было, но наверстаю в следующем. Хочу отпраздновать вместе с тобой.

— Я не против... Но в этом году почти все оделись как призраки, и теперь они говорят, что в следующий раз придумают что-то намного лучше.

Второй северный фронт вместо прощальной вечеринки устроил чуть запоздалое празднование Хэллоуина, но команде снабжения было трудно выдать костюмы на целую бригаду, спасибо военному положению, поэтому всем пришлось импровизировать со своей одеждой и подручными материалами. Большинство отделались белыми простынями, на которые маркером нанесли стежки, и платками в виде ушей оборотня, а кто-то нанес тяжелый макияж, чтобы быть похожими на ведьм.

Лена задумалась. Костюмы призраков сделать просто, но надо еще постараться, чтобы вырезать дырки.

— А те, кто накинул на себя простыни, они хотя бы видели что-нибудь перед собой?

— Не-а. Многие потом решили сменить классы на ведьм, оборотней или монстров.

Сделать это было легче легкого: несколько человек из Ориентов, включая Митихи, повесили бумажные талисманы на лоб, чтобы сойти за призраков Дальнего Востока — идея оказалась очень удачной; Марсель тоже заслужил похвалы, он написал на лбу слово «призрак» и ходил с невозмутимым лицом.

— А у тебя что было, Шин?

— Повязка на одном глазу... а еще меня заставили взять в руки швабру, которую назвали копьём.

Образ верховного бога и бога смерти из одной мифологии*.

[П/П: Один.]

— Прикольно!

— Это Рито придумал. Он в итоге рассмеялся, а Райден, Анжу и Крена хихикали не переставая... Рито нарисовал на своем лице тыкву, Райден нанес камуфляжную маску, чтобы походить на зомби. Анжу сделала синий макияж и выглядела как снежная ведьма, Крена накрашила губы красной помадой, чтобы соответствовать образу принцессы вампиров. Нечестно, что они смеялись надо мной, — устало проворчал Шин.

По-видимому, он не оценил насмешек.

— Угу, но понять можно, не каждый день выпадает шанс побыть дүшкой.

— В кого бы ты нарядилась, Лена? Ну, в следующем году.

Лена обдумала выбор. Костюм призрака не казался ей таким уж привлекательным.

— Может, в девочку-волшебницу, которую так обожает Фредерика?

— А это считается? Просто наряд, не монстра даже.

— Можно представить как ведьму.

— На фею больше тянет, разве нет?..

Лена не думала, что это так важно. Кроме того...

— Не хочешь побыть оборотнем в следующем году? Только с нормально сделанными ушами, а не из платков.

— Это должен быть костюм Райдена. Он же пилотирует Оборотня.

— Но я хочу посмотреть на тебя с собачьими ушками и потереть их. И хвост тоже нужен!

Затем она пришла к выводу, что черные кошачьи уши и хвост, как у Фипи, тоже подойдут, а раз уже решено, что Райден будет оборотнем, Сео можно дать лисьи уши и хвост. Таким образом она сможет погладить всех.

Воодушевление Лены, однако, Шин встретил очень недовольным голосом.

— О-о-о-ох...

Она никогда, даже в восемьдесят шестом секторе, не слышала от него такого оханья, из-за чего расхохоталась.

<http://tl.rulate.ru/book/36621/3394458>